

Социологическое наследие
К110-летию со дня рождения
П. А. Сорокина

© 1999 г.

П.А.СОРОКИН

УСЛОВИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ МИРА БЕЗ ВОЙНЫ

Pitirim A. Sorokin. The conditions and prospects for a world without war. - The American Journal of Sociology. Chicago. Chicago university press. March 1944. Vol. XLIX. № 5. Pp.440-449.

От редакции: В 1944 г., по мере приближения конца мировой войны, общественность США активно обсуждала проблемы послевоенного мира. В марте 1944 г. журнал Чикагского университета *The American Journal of Sociology* напечатал подборку статей видных ученых, общественных деятелей по проблемам переустройства мира. Одним из авторов был П.А. Сорокин. Его статья перекликается с опубликованной в 12-м номере "Социологических исследований" за 1993 г. статьей П. Сорокина "Причины войны и условия мира" - перепечатка из русскоязычного издания "Новый журнал" (Нью-Йорк).

I. Прочного мира не будет в рамках современной культуры и общества

В рамках (framework) современной чувственной* культуры и при типе общества и человека, выражающих ее, длительный мир невозможен. Независимо от реализуемых в таких рамках экономических и политических модификаций, они не смогут ни устранить войн между странами и гражданских войн, ни существенно снизить их размах, разрушительность, жестокость. Эта мрачная констатация - единственно возможное заключение из соответствующих эмпирических фактов, а также из анализа "сердца и души" современной культуры, общества и человека. Эти факты показывают, что с появлением и ростом чувственных культуры, общества и человека с XIII по XX в. частота и интенсивность войн следовали ясно различимому тренду. Данные показывают, что войны постоянно множились с XIII по XVII в., держались на высоком уровне на протяжении XVIII - начала XIX, в период 1820-1910 гг. снизились до уровня XVI в., а потом взлетели на беспрецедентную высоту в XX в. - самом кровавом веке за все 30 столетий греко-римской и западной культур¹. Такая динамика войн - вместе с невиданной разрушительностью и зверствами войны нынешней - убедительно показывает: *современные культура, общество и человек воинственны по своей социокультурной природе, их декларируемый пацифизм - лишь*

---

* *Примеч. переводчика:* Автор употребляет термин "sensate", неологизм - введенный им в научный оборот в книгах "Social mobility" (1926), "Contemporary sociological theories" (1928) и "Social and cultural dynamics" (N.Y. 1937. V. 3. P. 535) и др. Умиравшая чувственная (sensate) культура у Сорокина противопоставит грядущей идеациональной (ideational) культуре. В основе противопоставления - двойственность природы человека, существа мыслящего и существа чувствующего. - См.: П.А. Сорокин. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 427.

¹ См. данные о динамике масштабов войн и революций в моей работе "Social and cultural dynamics", vol. 3 (N.Y. 1937) и в: Quincy Wright, A Study of War. (Chicago, 1942).

иллюзия, а войны межличностные (преступность), гражданские и войны между странами - их неотъемлемые черты.

Проверка основных качеств культуры, общества и человека подводит к тому же заключению и делает понятной вышеупомянутую динамику войн².

Будучи выражением основной посылки, что *истинные реальность и ценности - сенсорные*, эта современная культура не может не быть преимущественно эмпирицистичной, позитивистской, нацеленной на экономические начала, материалистичной по своей ментальности: утилитарной и гедонистской в своих этике и праве; сенсуалистской в художественном творчестве; динамичной и релятивистской во всех своих ценностях. В соответствии с основной посылкой она поощряет превыше всего чувственные ценности - начиная с богатства, материального комфорта, поцелуев, половых связей, популярности и кончая насквозь гедонистическим, реже эвдемонистским представлением о счастье. В декадентской фазе ее научный, религиозный, этический и социокультурный релятивизм развивается до такой степени, что возникает крайняя атомизация ценностей, во все возрастающей мере лишаящаяся какой-либо всеобщей валидности, всеобъемлющего признания или отвержения, общеобязательной контролирующей силы. Ясная разграничительная линия между правдой и ложью, добром и злом, красотой и уродством, справедливостью и несправедливостью неудержимо стремится к исчезновению, а каждая группа и личность становятся высшими судьями во всех вопросах. Это приводит к бурному росту числа межличностных и межгрупповых конфликтов из-за этих проблем. Такое понимание приводит к подлинной социо-культурной *аномии* со всей ее умственной, моральной, социальной и поведенческой анархией. *Аномия* делает неизбежным появление абсолютно грубой силы, поддержанной обманом, - в качестве верховного правителя человеческим поведением. Это постоянно сопровождается экстраординарными выбросами войн, революций и преступности. Поскольку такая релятивизация ценностей в нашей сегодняшней культуре достигает стадии аномии, восстания, войны и кровавые революции в этом веке - естественное и неизбежное следствие.

Есть и другие процессы, через которые чувственная культура, - особенно в ее стадии крайнего релятивизма - приводит к войне и революции. Поощряя чувственные ценности, она по образу и подобию формирует личность и поведение своих членов. Каждого из них она побуждает обеспечивать максимальную долю чувственных и материальных ценностей, простирающихся от богатства, поцелуев, свободы, популярности и власти до максимума Lebensraum (жизненного пространства, нем. - прим. переводчика), природных ресурсов, рынков и мирового господства. Межличностная и межгрупповая борьба за эти ценности развивается и становится в жизни индивидов и групп доминирующим стимулом, главным этосом и пафосом их существования.

До тех пор пока универсальные ценности с их универсально обязательными нормами действуют, они способны сдерживать жестокости этой борьбы и препятствовать использованию крайних антисоциальных средств. Но когда эти ценности релятивизируются и атомизируются, "тормоза" не действуют, и в итоге любое средство, любой метод становятся позволительными, поскольку есть возможность уйти от ответственности. Результат - взрыв насилия в различных формах, приход к власти групп давления и диктатур, всплески преступности, гражданской войны и войны международной. "Предполагать, что люди, каждый из которых переполнен всеми видами тревог, доведен до умопомрачения жадной властью и скорости, поклонники бога вихрей (Whirlgod) будут жить в мире сами с собой или с другими - самая суетная химера", - справедливо замечает видный гуманист Америки³.

Под влиянием чувственной культуры общая деградация человеческих ценностей ускорила вспышку войны и насилия. В полном соответствии со своими основными посылками она рассматривает человека лишь как "электронно-протонный комплекс", некий "механизм рефлексов", простой "животный организм", "психоаналитический мешок, наполненный либидо", лишенный чего-либо сверхчувственного, священного или божественного. Неудивительно, что

² См. подробнее характеристику черт современных чувственных культуры, общества и человека, а также соответствующих свидетельств в моих "Social and Cultural Dynamics" (4 тома) и "Crisis of our Age" (N.Y., 1941). Здесь упомянуты лишь черты, наиболее связанные с темой войн.

³ Irving Babbitt. The Breakdown of Internationalism (перепечатка из: Nation, June, 1915), p. 25.

при такой культуре с человеком обращаются так же, как со всеми другими чувственными "комплексами", "механизмами" и "животными": любые человек или группа, препятствующие реализации чьих-то желаний, устраняются так же, как мы ликвидируем комара, змею или "нейтрализуем" любой органический или неорганический объект, препятствующий исполнению наших желаний. Это объясняет, почему вопреки всем громогласным претензиям нашей культуры на ее гуманное, человеческое и гуманитарное предназначение, она - объективно-находится в декадентской фазе - одна из самых бесчеловечных из всех культур, десятками миллионов убивающая, калечащая, унижающая человеческие существа.

Основные институты современного общества пропитаны тем же милитаризмом, непрерывно генерируя межличностные, гражданские и межгосударственные конфликты. *Частная собственность* с ее неизбежным расслоением на чрезмерно богатых и крайне несчастных постоянно воспроизводит преступность, классовый антагонизм и войну классов. *Государство* с его голой политикой силы макиавеллевого *Raison d'etat* (смысл государства - фр. - прим. переводника) - это открыто милитаристский институт, не сдерживаемый ни единой из норм этики, обязательных в личном поведении. То же относится к нашим *политическим партиям*: в первую очередь это машины борьбы, использующие систему предоставления государственных должностей своим приверженцам, подкуп, подношения, убийство и гражданскую войну как инструменты борьбы за выгоды и власть. Наши *объединения по профессии* - от рабочих профсоюзов до ассоциаций капиталистов-организованы, прежде всего, для воинственных целей, а именно - успешного разорения противостоящих организаций любым» средствами - будь то забастовки, локауты, или революции и гражданские войны. Даже *семья*, поскольку она внушает детям культ семейного эгоизма, силы и "успеха" - насквозь пронизана тем же милитаристским духом. Наконец, *почти все наши* институты прививают чувственную *власть* и успех как высшие добродетели. Они методично насаждают "боевой дух" у всех со дня рождения до дня смерти. Наши герои - неизменно сражающиеся личности, которые с успехом сокрушают соперников, будь то на футбольном поле, в соперничестве бизнесменов-головорезов, на поле битвы, в политических махинациях или в войне классов; они олицетворены нашими "чемпионами мира" по теннису, плаванию, употреблению кофе, сидению на столбе и танцам до упаду. Даже наш "Супермен" (имеется в виду популярный в то время кинофильм - прим. переводчика) - супермен лишь потому, что "быстрее пули, мощнее локомотива", воинственнее Марса: он всегда сражается.

Таким образом, изучаем ли мы объективную динамику войн, которыми сопровождалось возникновение и рост современной культуры, или мы изучаем сущностные характеристики ее проявления, общества и человека, выражающих ее, мы не можем не видеть их преимущественно милитарной социо-культурной природы. Война в разных формах и особенно война за чувственные ценности, - вот их этос, душа и сердце. В таких рамках никакой прочный национальный или международный мир никогда не был и никогда не будет возможным.

Это также означает, что в *большой части нынешние планы прочного мира обречены на провал, поскольку они надеются достигнуть его в прежних рамках, лишь ставя заплату на заплату*. Простые индуктивные рассуждения доказывают это недвусмысленно. Как патентованная панацея против войны эти планы демонстрируют просвещенное своекорыстие, показную "утилитарную рациональность", освобожденные от религии и абсолютов этики; растущий экстремальный релятивизм всех ценностей; еще большую дозу позивитизма, эмпирицизма, материализма, утилитаризма и механицизма во всех вариантах; дальнейший рост грамотности, школ, университетов, газет, кино, радио и других "образовательных" инструментов; еще более быстрый рост числа научных открытий, технологий; замену монархий республиками, всех автократий демократиями, капитализма коммунизмом, социализмом и другими чувственными "измами"; расчленение и разоружение побежденных; большой и лучший "баланс сил" и разных "Союзов Теперь" в форме двойных, тройных и четверных альянсов вплоть до Лиги Наций, подкрепленной сокрушительной военно-полицейской мощью; более высокий уровень жизни, по меньшей мере, для стран-победительниц; более справедливое распределение природных ресурсов; и т.д. и т.п. Безжизненность всех этих надежд без сомнения демонстрируется "уродливым фактом" того, что по мере возникновения и роста наших современных культуры и общества с XIII по XX в. все эти панацеи также множилось; тем не

менее, рост их числа сопровождался все эти столетия ростом войн вместо их уменьшения, что должны были эти планы достигать. Лишь идиот заключит из таких "сопутствующих отклонений", что эти панацеи душат войну, и, применяя их в еще большей дозе, они могут ее убить навсегда. Единственно разумное заключение: или эти панацеи бессильны искоренить войны или - в рамках современных культуры, общества и человека-они работают скорее на войну, чем против нее. Отсюда эти планы, особенно именуемые "практичными", "реалистичными" или "научными", - не что иное, как иллюзия или самообман. В других рамках, как мы увидим, некоторые из этих мер могут помочь; в рамках нынешних - они не могут и не создадут храм длительного мира.

II. Культура и общество, нужные для длительного мира

Мрачные заключения не означают, что длительный мир вообще невозможен. Они означают, что для реализации цели нужна новая культура с соответствующими обществом и человеком - отличные от нынешних. Суммарно изложим их сущностные характеристики⁴.

1. Новая культура будет меньше акцентировать чисто чувственные реальные ценности и больше - подлинно рациональную, сверхчувственную метарациональную реальную ценность, рассматривая подлинную реальную ценность как бесконечное многообразие с тремя основными аспектами: чувственный, рациональный и сверхчувственный-метарациональный, каждый в рамках своей сферы являющийся истинной реальностью и истинной ценностью. Эта концепция истинной реальной ценности, поддерживавшаяся Платоном, Аристотелем, Эригеной, Фомой Аквинским и Николаем Кузанским (упомянем лишь несколько имен), заменит основную посылку нашей чувственной культуры. Соответственно новая культура будет выражением этой новой посылки во всех составных частях: в науке, философии, религии, изобретениях, искусствах, этике, праве и формах общественной организации, начиная с манер, Нравов и образа жизни своих членов - индивидов и групп.

2. В ее рамках наука путем сенсорных наблюдений изучит эмпирические аспекты бесконечного многообразия; философия исследует с помощью математической и силлогической логики рациональные аспекты истинной реальной ценности, интуитивная мудрость даст нам понимание надчувственно-металогических аспектов ее через интуицию подобно великим религиям и этическим провидцам, великим ученым как сэр Исаак Ньютон, великим философам - как Платон, великим художникам - как Бетховен и Шекспир, великим изобретателям, вдохновленным в своих достижениях интуицией⁵. История человеческого знания - кладбище, полное неверных эмпирических наблюдений, ошибочных логических суждений и ложных интуитивных выводов. Это означает, что по отдельности каждый из этих способов познания подвержен ошибкам и что для достижения меньшей степени ошибочности он должен иметь сотрудничество и взаимную верификацию со стороны двух других путей познания. Обозначенная таким образом интегральная система истины как раз дает нам органическую интеграцию, сотрудничество и взаимную верификацию всех трех путей познания. Как таковая она обещает дать более валидную, богатую и лучше проверенную истину, чем та, что может быть дана господствующим односторонне чувственным познанием. Она также устраняет

---

⁴См. более детальный анализ новой культуры, общества и человека в моей статье "Задачи культурного восстановления" (The tasks of cultural rebuilding), публикуемой в книге под названием "Интеллектуальные и культурные основы мирового порядка" (Intellectual and cultural foundations of world order) Институтом религиозных исследований.

⁵ Многие самопровозглашенные псевдоэмпирики, нападая на интуицию как способ познания *suī generis*, проявляют полное незнание того, как в действительности сделаны большинство великих научных, философских, технических, этических, религиозных и художественных открытий и изобретений. Если бы они были настоящими эмпириками и эмпирически изучили проблему, они бы знали эмпирически неопровержимый факт, что большинство этих открытий и изобретений инициированы и вдохновлены интуицией (см. факты и литературу по этому вопросу в моей книге "Dynamics...", т. IV, с. 746 и след.; а также I. Sikorsky. The Story of the Winged-S. (New York, 1942), гл. XXII; T. Langmuire, "Science, Common Sense and Democracy" [обращение президента, Нобелевского лауреата к Американской ассоциации содействия науки, произнесенное в 1942 г.] New York Times, 27 декабря 1942 г.

современный антагонизм между точными науками, философией и религией и их способность подрывать друг друга.

3. Вместо избыточно релятивизированных и атомизированных утилитарно-гедонистских псевдонорм нашей культуры-лишенной своей связующей силы, нарушаемой при каждом удобном случае и опустившейся до уровня простых "дериваций" Парето, "рационализаций" Фрейда, "идеологического украшения" Маркса, экономических, сексуальных и иных чувственных "осадков" (residues), "комплексов", "стимулов" и "интересов" - этика и право новой культуры (в соответствии с ее основной посылкой) будут воплощены в наборе универсальных норм, обязательных и эффективно контролирующих поведение всех, в этическом престиже не допускающих споров и не подвергаемых сомнению со стороны какой-либо другой противостоящей нормы. По своему содержанию эти универсальные нормы будут вариантом основных этических норм практически всех великих религий и моральных кодексов, начиная от элементарного Золотого Правила, Десяти Заповедей до норм Нагорной Проповеди как их высочайшего выражения. Такие этика и право остановят атомизацию моральных ценностей, устранят этический и правовой цинизм, диктатуру грубой силы и обман как высших арбитров поведения людей.

4. В соответствии с этой основной посылкой живопись и скульптура, литература и музыка, театр и архитектура новой культуры также будут совершенно отличаться от современных изящных искусств. Интегральная красота воссоединится с истиной и добротой, так что новые изящные искусства будут нести ценности искусства вместо пустого искусства для искусства. Не развенчивая бессмертных, новое искусство обесмертит смертных, облагородит низкое и делает прекрасным уродливое. Вместо негативизма, концентрации внимания на полицейских моргах, притонах уголовников, сумасшедших домах, половых органах, оно будет отражать преимущественно вечные ценности, позитивные идеалы, героические события, великие трагедии и драмы. Как такое же сравнимое искусство Греции в V в. д. р. X. и в Европе XIII в., оно будет вдохновлять, облагораживать, учить, будет воистину украшающим искусством, а не упадочническим, деморализующим и обесиливающим культом социальной патологии, каким по преимуществу является современное искусство.

5. В такой культуре человек также будет рассматриваться скорее как конечная ценность, как инкарнация божественного многообразия, нежели просто биологический организм, механизм рефлексов или психоаналитическое либидо, как обычно это делается сейчас. Ценность человека будет вновь высоко поднята над крайней деградацией, в которую он низвергнут. Следовательно, практика, институты и отношения, превращающие человека в простое средство доминирующих чувственных целей, в основном исчезнут.

6. Большая часть общественных институтов, которые противоречат тотальному характеру новой культуры, будут устранены. Доминирующая форма общественных отношений в таком обществе не будет ни договорной, ни принудительной, а фамилистической, - подобно отношениям в хорошей семье. Экономические и политические режимы такого общества не будут ни капиталистическими, ни коммунистическими, ни социалистическими, а фамилистическими. Огромный контраст между мультимиллионером и бедняком, правителем и управляемым исчезнет. Частная собственность будет ограничена и превращена в разновидность публичного попечительства. Приличествующий минимум необходимого будет обеспечен всем. Основными мотивами общественно полезной экономической и политической жизни будут не прибыль или власть, а мотив креативной службы обществу— аналогично мотивации великих художников, религиозных лидеров, ученых и истинных филантропов. Социальные институты, противоречащие этим целям, в основном исчезнут, а служащие им - будут созданы и укреплены.

7. Практические результаты установления такой культуры будут огромны, особенно в ментальности, поведении и взаимоотношениях людей. Новая система ценностей и истины устранил нынешний антагонизм между точными науками, философией и религией: они все будут неделимыми органами единой системы истины, все обращены к единым истинам, законностям и ценностям. С современными атомизацией и релятивизацией истины, добра и красоты будет покончено. Наступит конец нынешней умственной, моральной и социальной анархии. Век уверенности сменит нынешний век неуверенности. Освобожденный от гложущих мук неуверенности, иссушающего яда противоречий и усталости от беспорядка, - человеческий ум вновь

обретет внутреннюю гармонию, мир и счастье. Эти качества восстановят его созидательную энергию, уверенность в себе и счастье. В таких условиях большая часть нынешних психоневрозов испарится. Всеобщая истина объединит в один ум все человечество.

Общее обесценивание того, что является чисто чувственным, заметно ослабит нынешнюю борьбу за существование и за материальные ценности, усилит стремление к рациональным и метарациональным ценностям. В результате заметно ослабевут межличностные и межгрупповые антагонизмы, их жестокие формы отомрут, поведение человека облагородится и станет подлинно общественным. Укоренение в сердцах и умах людей универсализированных этических норм приведет к такому же результату. Не столько внешними санкциями, сколько внутренней силой они будут сдерживать большую часть антиобщественных действий и проявлений, особенно крайние формы угнетения человека человеком, группы группой. В этом культурном климате самые жестокие формы преступлений, гражданской борьбы и войн между народами не смогут существовать и в значительной мере уйдут. То же относится к грубой силе и обману как властителям поведения людей.

Новые изящные искусства внесут свой вклад в этот результат. Благодаря позитивной красоте они будут образовывать, вдохновлять, учить, очаровывать и контролировать людей столь же полно как новая наука и религия, философия и этика, обращенные прежде всего к вечной красоте. Изящные искусства будут также служить - это станет побочным результатом - задаче истинной социализации *Homo sapiens*. На этом пути они будут щедро способствовать устранению антиобщественных действий, связей и институтов в мире людей.

Наконец, новая культура, благодаря возвращенной гармонии, миру и спокойствию уменьшит эгоизм, раздражительность, драчливость, склонность к насилию и антиобщественному поведению. Высвободив новую творческую активность во всех сферах социокультурной деятельности, она сделает каждого партнером и участником самых высоких форм счастья - счастья творческого гения.

На этом и тысячах иных путей новая культура создаст нового человека - счастливого, мудрого, доброго и справедливого к себе и ко всем согражданам. В рамках такой культуры, общества, человека ни межличностная война (преступления), ни гражданская война, ни война между народами не смогут разрастаться. Если они и не исчезнут, то наверняка сойдут до самого низкого минимума в истории человечества.

8. Таковы сущностные черты культуры, общества и человека, необходимые для прочного мира между людьми, группами, народами. Без таких рамок, как основного условия мира, все остальные патентованные средства против войны тщетны. С ними - многие эти средства будут способствовать их реализации. Например, на этих социо-культурных основах Лига Наций и другие формы надгосударственного правительства верно и плодотворно послужат делу мира. Без них надгосударственное правительство будет или столь же бессильным как усопшая Лига Наций, или - что еще хуже - может стать мировой тиранией, столь же жестокою, как и некоторые "мировые империи" прошлого. Без них военно-полицейскими силами мирового правительства будут наверняка злоупотреблять, что в итоге послужит войне, а не делу мира. С ними все государственные и надгосударственные правительства, независимо от конкретных форм, станут истинно фамилистическими демократиями. Как таковые они будут активно содействовать сохранению мира. Без них никакой формально республиканский или демократический режим, даже если он распространится по всему миру, ничего не сможет сделать - не больше, чем в прошлом, когда демократические и республиканские страны были, по меньшей мере, столь же воинственны, как монархические и автократичные⁶ страны и когда увеличение числа республиканских и демократических режимов вело к росту, а не уменьшению войн. Без этих рамок дальнейший рост научных открытий и технических изобретений будет столь же несущественным, как в прошлом, когда, начиная с XIII в. до настоящего времени, их неуклонный и быстрый рост сопровождался почти столь же параллельным ростом числа войн. То же относится к развитию школ, университетов, изданию книг, журналов, газет, к кино,

---

⁶ См. данные о сравнительной воинственности и революционаризме республиканских, демократических и монархически-автократичных стран в моей "Динамике". Т. III, гл. XII, XIII, XIV; а также А. Тоунби "A study of history" (London, 1939), т. IV, с. 141 и след; Wright. Op. cit. chapt. XXII.

радио, театру и другим средствам современного образования. Начиная с XIII в. они постоянно множилось без соответствующего сокращения числа войн, революций, преступлений. Это в еще большей степени верно по отношению таких панацей, как выравнивание распределения природных ресурсов, или повышение материального уровня жизни, или более просвещенное своекорыстие и утилитарная "рационалистичность". Без предваряющих рамок сколько-нибудь подлинно равное распределение природных ресурсов среди всего человечества невозможно так же, как оно было невозможно в прошлом. Государства и страны останутся столь же эгоистичными и хищными, как и раньше. Уверовавшие, что распространение демократических форм правления изменит это, забывают, что так называемые демократии прошлого и настоящего столь же империалистичны, как и автократии. Они забывают такой неприятный, но несомненный факт, что почти все эти демократии - от афинской и до современных - основывались на жесточайшей эксплуатации колоний и "сфер влияния", имели огромный слой полусвободного и несвободного населения - во много раз многочисленнее полноправных граждан этих демократий.

Аналогичным образом "просвещенный собственный интерес" и "утилитарная рациональность" неуклонно росли с XIII в., не сопровождаясь каким-либо сокращением войн. Одна из причин этого - факт, что с более глубокой точки зрения этот собственный интерес оказывается неким слепым эгоизмом, а утилитарная "рациональность" - крайне иррациональной иллюзией. Утилитарная рациональность определяется как использование наиболее эффективного средства для достижения желаемой цели. Симптоматично, что имеется в виду лишь рациональность средств при забвении рациональности целей. Нынешняя война, в которой ради разгрома врага используются имеющиеся эффективнейшие научные средства - полностью рациональна с этой точки зрения, как рациональна эффективная деятельность не пойманной и безнаказанной банды убийц, вооруженных лучшими орудиями убийства. Эти суждения ясно показывают, что подлинно рациональное действие - то, в котором рациональны и цели и средства. Действия, использующие рациональные средства во имя иррациональных целей, особенно иррациональны. Поэтому утилитарная рациональность нашего общества не может считать войну иррациональной, еще менее она способна добиться ликвидации войн.

Без таких рамок панацеи, предлагаемые для искоренения преступности, бунтов, революции и гражданской войны, также эффективными быть не могут. Эти иррациональные феномены сохраняются и даже могут разрастись вопреки панацеям, так как они сохранялись и росли на протяжении столетий господства современной культуры. Несмотря на то, что эти панацеи использовались с особой щедростью в XX в., сохраняется вопиющий факт. Что ни преступности, ни бунтов, ни революций не стало меньше; и что семья не интегрирована сколько-нибудь лучше; и что самоубийц и душевнобольных не стало меньше; и что сколько-нибудь снизилась интенсивность межличностной и межгрупповой борьбы за существование; и что - если счастье измеримо динамикой статистики самоубийств, - человек не стал сколько-нибудь счастливее. Фактически, итоги объективно полностью противоположны тому, что можно было бы ждать от применения этих панацей.

Общий итог предшествующего анализа: предлагаемые рамки новой культуры, общества и человека - не проявление некоего комплекса проповедника, или "непрактичной" снисходительности кабинетного философа и его мелочных забот, а скорее - самый практичный, научный и фактический индикатор *необходимых условий* достижения цели - прочный мир. Без них все другие средства строительства храма прочного мира неизбежно окажутся бессильными или лишь вызовут еще более крупные и ужасные войны.

III. Перспектива

По поводу такого заключения может быть выдвинуто возражение, что новые социально-культурные рамки сами по себе неосуществимы и утопичны. Если такое возражение обоснованно, это может означать одно, - длительный мир невозможен. В этом случае все разумные люди должны перестать обманывать себя и других утопией человечества без войн, кровавых революций и преступности, смиренно приняв их как неизбежность так, как мы принимаем смерть. Однако при внимательном изучении это возражение гораздо менее ак-

сиоматично и бесспорно, чем на первый взгляд. Другими словами, шансы реализации новых рамок, означающих длительный мир, вовсе не равны нулю.

Во-первых, если человечество собирается жить творческой жизнью и не погружаться ни "в дремоту задумчиво жующего человеческого стада" или в мучительную агонию распада, новые рамки - единственный остающийся выход. Существующие рамки настолько прогнили и становятся во все большей мере столь разрушительными и болезненными, что человечество не может творчески и удовлетворенно жить в этих рамках сколько-нибудь длительное время. Если их нельзя заменить рамками иными, тогда конец креативной истории человечества - на одном из двух вышеобозначенных путей - неизбежен. Но такое заключение гораздо более фантастично в своем пессимизме, чем допускают факты истории: вопреки тяжести многих кризисов, одолевавших человечество на протяжении истории, люди всегда были способны так или иначе создать новые формы культуры и общества, которые в итоге клали конец кризису. В настоящее время нет каких-либо данных о невозможности нового социокультурного возрождения.

Во-вторых, едва ли движение от отмирающей чувственной культуры к культуре сколько-нибудь родственной той, что описана выше, случалась несколько раз в истории греко-римской, западной и некоторых других великих культур. Если это случалось в прошлом, есть все основания считать, что это может повториться в будущем.

В-третьих, если бы рождение новой культуры целиком зависело от современной "утилитарной рациональности", ее появление и развитие действительно были бы сомнительны. Но, к счастью, это не тот способ, которым обычно одна форма культуры сменяется иной. Обычно смена - результат самого исторического процесса, гигантских, безликих стихийных сил, имманентных в данных социокультурных рамках; и лишь на последующей стадии подлинно рациональные силы начинают содействовать ему, планируют и пытаются строить новую культуру всеми имеющимися научными средствами. Стихийные силы, имманентные в нашей современной культуре, уже привели ее к фазе упадка и кризиса; они в значительной мере уже подорвали ее престиж и очарование; они уже привели к отчуждению значительной части населения; они лишили ее большей части чар; ее безопасности, ее надежности, ее процветания, ее материального комфорта, ее счастья, чувственной свободы и всех ее основных ценностей. Не в классах, а в жесткой школе жизни миллионы людей получали от тех сил незабываемый, неизгладимый урок, понятный самому простому человеку, что существующие рамки будут давать "камни" и пули вместо хлеба; огромные разрушения вместо творческого созидания; нищету вместо процветания; строгую регламентацию вместо свободы; смерть, увечья к страдания вместо безопасной жизни, цельности человеческой природы и больших, лучших удовольствий. С нарастающим исчезновением этих чар наша современная культура лишилась всех иных великих ценностей, которыми поддерживается взаимозависимость человечества. Подобно красоте женщины, чья телесная красота ушла, она обречена терять приверженность человечества больше и больше до тех пор, пока ее не бросят совсем и не лишат доминирующего положения - во имя иных социокультурных рамок. Эта точка уже достигнута нашей культурой. Ее великолепие, креативность, ее престиж, ее чары - в прошлом.

Параллельно с бегством человечества от современной культуры те же стихийные силы создают и множат стремление к иным социально-культурным рамкам - более творческим, адекватным, менее разрушительным и болезненным. Это стремление - главный пункт повестки дня сейчас: почти все заняты проблемами будущих общества и культуры. Лишь немногие, ничего не забывшие и ничему не научившиеся, таят мысли о реставрации прошлого и оживлении отмирающих рамок. Подавляющее большинство понимает - если не путем расчетов и логического анализа, то простым здравым смыслом - невозможность этого. Оно видит необходимость каких-то рамок, отличных от тех, что есть у нас сейчас.

На этом этапе в игру вступают истинно рациональные силы, выполняя направляющую роль. Всеми наличными мудростью и знаниями, с чувством высшего долга они пробуют создавать различные системные планы новых социокультурных рамок, - проверять, усовершенствовать их, отвергая менее адекватные и совершенствуя лучшие. Новые планы, их философия, идеологии, пути и средства реализации множатся, все более и более распространяются, непрерывно накапливая потенциал, умножая число приверженцев, пока не станут ощутимой силой об-

щества. Эта сила растет и тысячами способов начинает значимо влиять на ментальность и поведение людей, на науку и религию, философию и этику, изящные искусства и институты общества. Процесс этот медлен, развивается неупорядоченно изо дня в день. На этом пути много ошибок и собственных неудач. В целом, его полная реализация займет несколько десятилетий, даже столетий. Рано или поздно, однако, он завершится свержением с престола господствовавших социокультурных рамок и подъемом к доминирующему положению рамок новых.

Что касается нашей современной культуры, мы пришли к точке, в которой рациональные силы почти готовы действовать. Они могут создать новые социокультурные рамки, - грубое приближение к очерченным выше. Когда эта цель будет достигнута, утопия прочного мира станет реальностью.

Гарвардский университет

Перевод с английского Н.В. РОМАНОВСКОГО